

JOURNAL OF ENVIRONMENTAL AND LAND LAW (JELL)

LAW • ENVIRONMENT • SUSTAINABILITY • JUSTICE

OPEN
ACCESS

INTERNATIONAL
PEER-REVIEWED
JOURNAL

OUR FIELDS

- Land law and agrarian relations
- Environmental law and climate change
- Water law and transboundary cooperation
- Urban planning and zoning law
- Natural resources and energy law

OUR INDEXING

Google Scholar

Zenodo

DOI

OpenAIRE

Open Access

DOAJ

<https://unireview.uz/index.php/jell>

Published by
UniLex Global, Uzbekistan

VOLUME 1

ISSUE 1

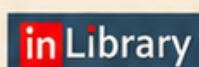
JUNE 2026

"UNILEX GLOBAL" LLC

Ekologiya va yer huquqi jurnali / Journal of Environmental and Land Law

**June, 2026
VOLUME 1, ISSUE 1**

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief, Tukhtashev Hikmatilla Ismatillaevich - Head of the Department of Legal Sciences, Doctor of Philosophy in Legal Sciences (PhD), TIIAME National Research University, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

1. **Editorial Board Members Kholmuminov Juma Toshtemirovich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
2. **Editorial Board Members Fayziev Shukhrat Khasanovich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
3. **Editorial Board Members Uzakova Gozal Sharipovna** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
4. **Editorial Board Members Narzullaev Olim Kholmamatovich**, Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
5. **Editorial board members Kenjaev Rustam Khaydarovich**, Candidate of Legal Sciences (PhD), Professor, Head of the Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
6. **Editorial Board Members Utegenov Ongarbay Dariyabayevich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Department of Finance, Tashkent University of Chemical Technology – International University, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
7. **Editorial Board Members Hayitov Hasan Shermatovich** - Candidate of Legal Sciences (PhD), Investigator, Shykhontohur District Division, Department for Combating Economic Crimes under the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
8. **Editorial Board Members Khodjaeva Aziza Bakhtiyarovna** - Doctor of Philosophy in Legal Sciences (PhD) "Academy of Labor and Social Relations" under the Federation of Trade Unions of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
9. **Editorial Board Members Nishonov Abdulloh Ubaydulloh ugli** - Senior Lecturer Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
10. **Editorial Board Members Makhkamov Durbek Nematovich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Dean, Faculty of Public Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
11. **Editorial Board Members Usmanov Muhammad Bahritdinovich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
12. **Editorial Board Members Juraev Yuldash Achilovich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Associate Professor Senior Researcher, Parliamentary Research Institute under the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
13. **Editorial Board Members Nurmatov Mirgolib Mirzayevich** - Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor, Head of the Department of Special Legal Sciences and Military Diplomacy, University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
14. **Editorial Board Members Bobokulov Shoxnazar Ochilovich** - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Professor, Department of Legal Sciences, Tashkent International University, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
15. **Editorial Board Members Mirzaabdullaeva Matluba Rustamovna** - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Associate Professor, Department of Environmental Law, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
16. **Editorial Board Members Allayorov Tulqin Ruziqulovich** - Doctor of Philosophy in Philology (PhD), Associate Professor Nizami Named Tashkent State Pedagogical University, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

Original research article

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОДНОГО ПРАВА В ВОДНОМ КОДЕКСЕ УЗБЕКИСТАНА: ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Мизрובה Рушана Равшановна

Студентка 2-го курса факультета «Экология и право»
Национального исследовательского университета «ТИИИМСХ»

Рустам Гафуров Баситович

Преподаватель кафедры правовых дисциплин
Национального исследовательского университета «ТИИИМСХ»

ИНФОРМАЦИЯ СТАТЬИ

Ключевые слова:

Водный кодекс Узбекистана
2025, Конвенция ООН 1997,
Конвенция Эспо 1991,
трансграничные воды,
имплементация, устойчивое
водопользование, водная
безопасность.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу имплементации норм международного водного права в новом Водном кодексе Республики Узбекистан (ЗРУ-1076 от 30.07.2025 г.). Рассматривается соответствие Кодекса принципам Конвенции ООН о несудоходных водотоках 1997 г. и Конвенции Эспо 1991 г. Отмечается, что статьи 157 и 158 закрепляют принципы справедливого и разумного использования водных ресурсов и предотвращения трансграничного вреда, однако их практическая реализация затрудняется отсутствием чётких процедурных механизмов. На примере проекта Рогунской ГЭС показана необходимость обязательной оценки трансграничного воздействия. В статье предлагается совершенствование подзаконных актов и разработка трансграничного имплементационного стандарта.

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL WATER LAW NORMS IN THE WATER CODE OF UZBEKISTAN: CHALLENGES AND WAYS OF IMPROVEMENT

ARTICLE INFO

Keywords:

Water Code of Uzbekistan
2025,
UN Convention 1997, Espoo
Convention 1991,
Transboundary Waters,
Implementation, Sustainable
Water Use, Water Security.

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the implementation of international water law norms in the new Water Code of the Republic of Uzbekistan (Law No. ZRU-1076 of 30 July 2025). It examines the compliance of the Code with the principles of the 1997 UN Convention on the Non-Navigational Uses of International Watercourses and the 1991 Espoo Convention. The article notes that Articles 157 and 158 of the Code establish the principles of equitable and reasonable utilization of water resources and the prevention of transboundary harm; however, their practical implementation is complicated by the absence of clear procedural mechanisms. Using the Rogun HPP project as an example, the article substantiates the need for mandatory transboundary impact assessment. The article proposes improving subordinate legal acts and developing a transboundary implementation standard.

O‘ZBEKISTON SUV KODEKSIDA XALQARO SUV HUQUQI NORMALARINI IMPLEMENTATSIYA QILISH: MUAMMOLAR VA TAKOMILLASHTIRISH YO‘LLARI

MAQOLA MA'LUMOTI

Kalit so'zlar:

O'zbekiston Suv kodeksi,
BMTning 1997-yilgi
Konvensiyasi,
Espoo konvensiyasi 1991,
transchegaraviy suvlar,
implementatsiya,
suvdan barqaror foydalanish,
suv xavfsizligi.

ANNOTATSIYA

Mazkur maqola O'zbekiston Respublikasining yangi Suv kodeksida (O'RQ-1076, 30.07.2025-y.) xalqaro suv huquqi normalarining implementatsiya qilinishini tahlil qilishga bag'ishlangan. Unda Kodeksning 1997-yilgi BMTning xalqaro suv oqimlaridan kema qatnovidan boshqa maqsadlarda foydalanish to'g'risidagi konvensiyasi hamda 1991-yilgi Espo konvensiyasi prinsiplariga muvofiqligi ko'rib chiqiladi. Maqolada Kodeksning 157 va 158-moddalarida suv resurslaridan adolatli va oqilona foydalanish hamda transchegaraviy zarar yetkazishning oldini olish prinsiplari mustahkamlangani, biroq ularni amalda qo'llash aniq protsessual mexanizmlarning yetishmasligi sababli murakkablashayotgani qayd etiladi. Rog'un GES loyihasi misolida transchegaraviy ta'sirni majburiy baholash zarurati asoslab beriladi. Maqolada qonunosti hujjatlarini takomillashtirish va transchegaraviy implementatsiya standartini ishlab chiqish taklif etiladi.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема обеспечения устойчивого водопользования в Центральной Азии (ЦА) является одним из ключевых геополитических и экологических вызовов современности. Регион находится в критическом дисбалансе, обусловленном не только исторически сложившейся ирригационной системой, но и ускоряющимися внешними факторами: изменением климата, которое приводит к интенсивному таянию ледников Памира и Тянь-Шаня [1, 2], и демографическим давлением [3]. Эти факторы обостряют конкуренцию за водные ресурсы между секторами: сельским хозяйством (крупнейший потребитель), энергетикой (гидроэнергетические проекты) и коммунально-бытовым сектором.

Республика Узбекистан занимает уникальное геополитическое положение, являясь государством нижнего течения в бассейнах рек Амударья и Сырдарья. Экономика и продовольственная безопасность страны критически зависят от притока воды, формирующегося в соседних государствах, что составляет до 90% поверхностных водных ресурсов [4]. Согласно данным Министерства водного хозяйства Узбекистана, общий годовой сток поверхностных вод составляет около 116 км³, из которых лишь 12 км³ формируется внутри страны, а оставшаяся часть поступает из Кыргызстана, Таджикистана и Афганистана [19]. При этом на душу населения в Узбекистане приходится менее 1 400 м³ пресной воды в год, что по классификации Всемирного банка относится к категории «водного стресса» [20]. За последние 30 лет объём доступных возобновляемых водных ресурсов сократился более чем на 20%, а прогнозы Всемирного банка указывают на дальнейшее снижение на 15–25% к 2050 году из-за изменения климата и роста водопотребления [21].

Эти тенденции сопровождаются увеличением водной зависимости и усиливающимся конфликтом интересов между странами региона. Например, строительство крупных гидротехнических сооружений в верховьях (в частности, Рогунской ГЭС в Таджикистане) оказывает прямое влияние на объёмы стока в нижнем течении, создавая потенциальные риски нарушения принципа «справедливого и разумного использования» международных водотоков [22]. В контексте высокой зависимости Узбекистана любое одностороннее решение, принятое странами верховья относительно режима стока, может иметь катастрофические последствия для экономики, экологии и социальной стабильности государства.

Таким образом, проблема устойчивого управления трансграничными водами выходит за рамки национального регулирования и требует синхронизации внутреннего законодательства с нормами международного водного права. В этом контексте особую актуальность приобретает анализ нового Водного кодекса Республики Узбекистан (ЗРУ-1076 от 30.07.2025 г.) [5], который вступил в силу 31 октября 2025 года. Кодекс

направлен на формирование единой правовой платформы для водного управления, предусматривая институциональную реформу системы водопользования и создание механизмов, соответствующих международным обязательствам страны.

Новый Кодекс отражает попытку гармонизировать национальные нормы с ключевыми принципами Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года и Конвенции Эспо 1991 года, где закреплены нормы как материального (справедливое использование, предотвращение вреда), так и процедурного характера (оценка воздействия, уведомление и консультации). В связи с этим исследование имплементации данных принципов в национальную правовую систему Узбекистана является своевременным и имеет практическое значение для формирования эффективного механизма трансграничного сотрудничества.

Цель, задачи и научная новизна. Цель исследования – провести детальный сравнительно-правовой анализ положений нового Водного кодекса Узбекистана на предмет их гармонизации с ключевыми принципами международного трансграничного водного права и разработать практические рекомендации для совершенствования имплементационного механизма.

Задачи:

1. Осветить доктринальную и нормативную базу международного трансграничного водного права, включая обязательства, принятые Узбекистаном.
2. Провести постатейный анализ Кодекса, выделяя положения, касающиеся трансграничного регулирования (Ст. 6, 7, 157-160).
3. Идентифицировать и классифицировать ключевые вызовы имплементации: недостаточность процедурного моста между международными декларациями и внутренним правоприменением.
4. Разработать конкретные рекомендации по устранению выявленных процедурных пробелов в подзаконных актах.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет один из первых комплексных и своевременных академических анализов нового Водного кодекса 2025 года. Исследование переходит от проверки доктринальных пробелов к анализу функциональной исполнимости закрепленных в Кодексе международных принципов.

Эволюция и доктрина современного трансграничного водного права.

Современная доктрина, кодифицированная в Конвенции ООН 1997 года, основана на принципе «ограниченного территориального суверенитета» и утвердила «трехстержневую основу» [9]:

1. Принцип справедливого и разумного использования (Ст. 5): Право на использование должно быть сбалансировано с правами других государств. Ст. 6

детализирует этот принцип, устанавливая перечень из 11 факторов, которые должны быть учтены [6].

2. Принцип обязанности не наносить значительный ущерб (Ст. 7): Требование принятия всех надлежащих мер для предотвращения или минимизации вреда соседним странам [10].

3. Принцип обязанности сотрудничать (Ст. 8 и 9): Требование добросовестного сотрудничества и обмена данными [6].

Международные обязательства и региональный контекст. Узбекистан присоединился к Конвенции ООН 1997 года в 2007 году [7]. Хотя Узбекистан не является участником Конвенции Эспо (ТрОВОС, 1991 г.), ее процедуры признаются международным обычным правом и являются неотъемлемой частью принципа предотвращения ущерба (Ст. 7 Конвенции ООН 1997 г.) [11]. В региональном контексте, Узбекистан остается активным участником региональных соглашений, включая документы о создании Международного фонда спасения Арала (МФСА) и его исполнительных органов — Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) и ее бассейновых водохозяйственных объединений (БВО «Амударья» и «Сырдарья») [12]. Новый Водный кодекс должен быть гармонизирован не только с глобальными конвенциями, но и с этими региональными механизмами, созданными для оперативного управления стоком.

Сопоставительный анализ Конвенции 1997 года и Конвенции Эспо 1991 года. Имплементация норм международного водного права в национальное законодательство требует учёта различий и взаимодополняемости двух ключевых документов — Конвенции ООН 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков и Конвенции Эспо 1991 года о проведении оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте.

Конвенция 1997 года устанавливает материальные нормы, определяющие основные принципы использования международных водотоков:

- принцип справедливого и разумного использования (ст. 5),
- принцип предотвращения значительного ущерба (ст. 7),
- а также механизм сотрудничества и обмена данными между прибрежными государствами (ст. 9).

Эти нормы закрепляют юридическую основу равноправного водопользования и ответственности государств за возможные негативные последствия при эксплуатации общих водных ресурсов [23].

В отличие от этого, Конвенция Эспо 1991 года регулирует процедурные механизмы взаимодействия государств. Она направлена на предотвращение и

минимизацию трансграничного воздействия на окружающую среду путём обязательного уведомления, проведения оценки воздействия и проведения консультаций (ст. 2–6). Таким образом, Эспо-конвенция конкретизирует инструменты, через которые принципы Конвенции 1997 года могут реализовываться на практике [24].

Несмотря на различие по предмету правового регулирования, данные международные акты взаимосвязаны и образуют единый правовой комплекс управления трансграничными водными ресурсами. Конвенция 1997 года отвечает на вопрос «что должно быть достигнуто», а Конвенция Эспо — «как это должно быть реализовано». Именно их сочетание позволяет обеспечить баланс между суверенными интересами государств и коллективной ответственностью за экологическую безопасность региона.

В практике Узбекистана эти документы имеют взаимодополняющее значение. Присоединение Узбекистана к Конвенции Эспо в 2018 году создало правовые основания для обязательного проведения оценки воздействия на окружающую среду при реализации трансграничных проектов. Однако страна пока не является участником Конвенции 1997 года, что создаёт правовой пробел в части материальных обязательств, связанных с распределением водных ресурсов [25].

Тем не менее положения нового Водного кодекса (ст. 7, 157, 158) частично восполняют этот пробел, вводя принципы справедливого использования и приоритета экологических интересов, а также закрепляя обязанность обмена гидрологической информацией с сопредельными странами. В частности, статья 157 Кодекса устанавливает, что “использование водных объектов, имеющих трансграничное значение, осуществляется с учётом международных договоров и принципа недопущения вреда соседним государствам” [26].

Таким образом, Водный кодекс Республики Узбекистан 2025 года можно рассматривать как инструмент постепенной имплементации норм Конвенции 1997 года и Конвенции Эспо, направленный на формирование национального механизма интегрированного управления водными ресурсами. Его реализация создаёт основу для будущего присоединения Узбекистана к Конвенции 1997 года и укрепления регионального сотрудничества по трансграничным водным бассейнам.

Анализ положений нового Водного кодекса 2025 г. Анализ ключевых статей нового Водного кодекса Республики Узбекистан (ЗРУ-1076 от 30.07.2025 г.) демонстрирует прогрессивный, но частично декларативный подход к имплементации международных норм водного права. Рассмотрим наиболее значимые положения:

- **Статья 6 (Основные принципы):** Кодекс закрепляет внутренние аспекты устойчивого водопользования, включая экосистемный подход, экономию воды и приоритет рационального распределения ресурсов. Вместе с тем, прямого упоминания трансграничного «справедливого и разумного использования», предусмотренного Ст. 5

Конвенции ООН 1997 года, здесь нет, что создаёт пробел при практическом применении принципов международного права [6, 23].

- **Статья 7** (Виды водопользования): Вводит систему специального водопользования, подлежащую разрешительному порядку. Это ключевой механизм, через который должны реализовываться международные обязательства. Однако Кодекс не содержит детализированной процедуры, связывающей выдачу разрешений с принципами справедливого использования и предотвращения трансграничного ущерба, что делает необходимость создания подзаконных актов особенно актуальной [24].

- **Статья 157** (Принципы международного сотрудничества): Чётко закрепляет соблюдение межгосударственного взаимодействия, включая обмен гидрологической информацией и консультации с соседями [25].

- **Статья 158** (Механизмы сотрудничества): Наиболее значимая статья для трансграничного регулирования. Она обязывает государство обеспечивать разумное и справедливое использование водных объектов, а также предотвращать деятельность, способную оказывать трансграничное воздействие. В рамках международных обязательств это положение частично отражает требования Конвенции Эспо (о ТрОВОС) и Ст. 7 Конвенции ООН 1997 года. Тем не менее, в Кодексе отсутствует обязательная процедура проведения оценки трансграничного воздействия, включая уведомление соседних государств, проведение консультаций и публичные слушания, что снижает превентивную силу нормы [14, 26].

В целом, новый Водный кодекс создаёт декларативную основу для интеграции международных норм в национальное законодательство, но требует конкретизации процедур реализации, включая:

- юридическое закрепление процедуры ТрОВОС;
- формальные критерии при принятии решений о специальном водопользовании;
- стандартизированный обмен данными с прибрежными государствами;
- закрепление приоритета международных обязательств при возникновении внутренних конфликтов интересов.

Только при условии внедрения этих процедурных механизмов принципы Конвенции 1997 года и Конвенции Эспо смогут быть эффективно реализованы на практике, обеспечивая баланс между национальными интересами и международными обязательствами по устойчивому водопользованию и экологической безопасности региона [23–26].

Сравнительный анализ: Вызовы имплементационного моста. Новый Водный

кодекс устранил значительные доктринальные пробелы, явно закрепив в Статьях 157 и 158 принципы Конвенции ООН 1997 г. [6]. Однако, успешная реализация этих декларативных норм сталкивается с новым, более тонким вызовом: отсутствием имплементационного моста — процедурных механизмов, которые связывают высокие международные принципы с рутинными национальными решениями.

Однако, успешная реализация этих декларативных норм сталкивается с новым, более тонким вызовом: отсутствием имплементационного моста — процедурных механизмов, которые связывают высокие международные принципы с рутинными национальными решениями по водопользованию.

Доктринально-процедурный вызов: Недостаточность "Справедливого использования" на этапе разрешения.

Статья 158 требует обеспечения «разумного и справедливого использования», а статья 7 вводит специальное водопользование (требующее разрешения). Юридический конфликт возникает на стыке этих двух норм, поскольку:

Вызов: Кодекс отсутствует прямой механизм или требование для внутреннего органа, выдающего разрешение на специальное водопользование (например, на строительство нового крупного водозабора), публично обосновать свое решение с учетом всех 11 факторов Ст. 6 Конвенции ООН 1997 г.

Принципы из Главы 23 являются общими декларациями, но они не интегрированы в инструкцию по выдаче разрешений. Это создает правовую неопределенность, позволяя органу власти принимать решения, руководствуясь только внутренними приоритетами (Ст. 6), без юридической обязанности учитывать региональный баланс интересов (Ст. 157).

— “Фактическая имплементация принципа справедливого использования происходит не на уровне декларации (Ст. 158), а на уровне разрешительных инструкций. Без четкого подзаконного акта, обязывающего учитывать региональный баланс, принцип будет оставаться декларативным” [13].

Процедурный вызов: Отсутствие обязательной оценки трансграничного воздействия (ТрОВОС)

Статья 158 Кодекса обязывает Узбекистан принимать меры для предотвращения деятельности, которая «оказывает или может оказывать трансграничное воздействие». Это положение инкорпорирует требование ТрОВОС (Ст. 7 и 12 Конвенции ООН 1997 г.).

Вызов: Кодекс не создает обязательную процедуру ТрОВОС, а лишь декларирует необходимость принятия мер. В Кодексе нет ссылки на закон или подзаконный акт, который бы:

1. Устанавливал перечень проектов, подлежащих ТрОВОС (крупные ГЭС, ирригационные каналы).
2. Определял обязательные этапы (уведомление соседей, консультации, публичные слушания) до принятия решения о проекте.

Статья 158 призывает к совместной разработке мер [5], но Конвенция требует одностороннего обязательства уведомления в случае потенциального вреда. Зависимость от совместных мер в Кодексе снижает его превентивную силу [14].

Пример: Рогунской ГЭС (Таджикистан) иллюстрирует последствия отсутствия формализованной процедуры: строительство плотины в верховьях Амударьи вызвало сокращение стока в нижнем течении, что поставило под угрозу водоснабжение сельского хозяйства и энергетические планы Узбекистана. Этот кейс подчёркивает необходимость разработки юридически обязывающей процедуры ТрОВОС в национальном законодательстве [22, 27].

Институциональный вызов: Размывание регионального мандата. Статьи 157 и 158 требуют от Узбекистана реализации взаимоприемлемых механизмов и совместного управления.

Вызов: Кодекс не устанавливает, как решения, принятые в рамках совместного управления (Ст. 157), будут приоритетно исполняться внутренними органами при возникновении конфликта с внутренними "национальными интересами" (Ст. 157). Кроме того, неясен институциональный мандат нового Республиканского Водного совета по отношению к региональным структурам (МКВК, БВО).

Исполнение решений: Отсутствие четкой юридической иерархии между международными обязательствами, решениями МКВК и внутренним планом водопользования создает потенциал для конфликта полномочий.

Пути совершенствования и практические рекомендации. Для реализации высоких принципов Главы 23 Кодекса, необходимо создать «имплементационный мост» через подзаконные акты, обеспечив их приоритет над внутренними административными инструкциями.

Создание “Трансграничного имплементационного стандарта”

Для выполнения Ст. 157 и 158 необходимо принять Положение Кабинета Министров, которое:

- **Привязка к Ст. 7:** Юридически свяжет процедуру выдачи разрешения на специальное водопользование (Ст. 7) на трансграничных водотоках с требованиями Главы 23 Кодекса и 11 факторами Ст. 6 Конвенции ООН 1997 г. [13].

- **Требование прозрачности:** Установит обязательство публичного обоснования решений по водопользованию, объясняя, как был достигнут "баланс интересов" (Ст. 157) с соседями

Рекомендации:

Принятие обязательного Положения о ТрОВОС.

Для реализации Ст. 158 (предотвращение трансграничного воздействия) требуется принять отдельное Положение о процедуре оценки трансграничного воздействия (ТрОВОС), которое:

- Установит обязательный перечень проектов, подлежащих ТрОВОС.
- Четко пропишет одностороннюю обязанность по уведомлению, предоставлению документации и срокам консультаций с соседями до принятия внутреннего решения, как это требуется Конвенцией ООН 1997 г. [14].
- Закрепит ответственность за несоблюдение процедуры ТрОВОС.

Юридическое закрепление регионального мандата Водного совета:

Для укрепления "взаимовыгодного сотрудничества" (Ст. 157), необходимо расширить и закрепить полномочия Республиканского Водного совета:

- Официально включить в его мандат функцию надзора и координации по вопросам выполнения международных договоров (Ст. 159) и решений МКВК.
- Обязать соответствующие ведомства (Министерство водного хозяйства) проводить регулярный и стандартизированный обмен данными (Ст. 9 Конвенции) с соседями и региональными структурами, используя единые региональные форматы [15, 17].

Фокус на устойчивом финансировании (Практический аспект).

1. **(Остается без изменений):** Разработка системы дифференцированных тарифов и субсидий, стимулирующих внедрение водосберегающих технологий (капельное орошение) в сельском хозяйстве, а также использование штрафов за превышение лимитов [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятие нового Водного кодекса Республики Узбекистан 2025 года является значимым шагом в направлении гармонизации национального законодательства с международными нормами трансграничного водного права. Статьи 157 и 158 закрепляют ключевые принципы Конвенции ООН 1997 года — разумное и справедливое использование водных ресурсов и предотвращение трансграничного ущерба, что позволяет формально привязать национальные нормы к международным обязательствам.

Вместе с тем, выявленные вызовы демонстрируют, что декларативное закрепление принципов недостаточно для их эффективного применения. Необходимы: внедрение процедуры трансграничной оценки воздействия (ТрОВОС), создание механизма «имплементационного моста» между международными нормами и

внутренними разрешительными процедурами, а также закрепление юридического мандата Республиканского Водного совета для координации с региональными структурами.

Пример Рогунской ГЭС иллюстрирует реальную угрозу трансграничного воздействия без установленного механизма оценки, подчёркивая актуальность предложенных реформ. Внедрение этих инструментов создаст правовую и институциональную основу для устойчивого водопользования, повышения экологической безопасности и укрепления регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Таким образом, предложенные рекомендации являются практическим путём перевода международных декларативных принципов в реальные процедуры правоприменения, что критически важно для защиты национальных интересов и обеспечения устойчивого развития региона.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. World Bank, *Climate Change, Water Security, and Human Migration in Central Asia* (World Bank 2024).
2. UNECE, *Glacier Melting and Transboundary Water Management in Central Asia: Policy Brief* (UNECE 2023).
3. FAO, *Water Scarcity and Agricultural Sustainability in Uzbekistan: Policy Options* (FAO 2025).
4. CAWater-Info, *Water Resources of Central Asia: Statistical Bulletin* (CAWater-Info 2024).
5. Water Code of the Republic of Uzbekistan, Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-1076 of 30 July 2025.
6. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses (adopted 21 May 1997).
7. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No PP-683 of 9 August 2007 “On Accession to the UN Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses”.
8. Stephen C McCaffrey, *The Law of International Watercourses: Non-Navigational Uses* (Oxford University Press 2007).
9. Attila Tanzi, *Watercourse Conventions and the Challenges of International Water Law* (Martinus Nijhoff Publishers 2011).
10. ICWC and CAWater-Info, *Transboundary Water Management in Central Asia: Legal Perspectives* (ICWC/CAWater-Info 2022).

11. Water Code of the Republic of Uzbekistan, arts 157–158.
12. Salman MA Salman, *The Law of International Watercourses: An Overview* (Oxford University Press 2018).
13. Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context (Espoo Convention) (adopted 25 February 1991).
14. Dinara Ziganshina, *Legal Framework for Water Cooperation in the Aral Sea Basin* (ICWC 2022).
15. Patricia Wouters, ‘The Role of International Water Law in Central Asia’ (2014) 30(1) *The International Journal of Water Resources Development* 154.
16. UNECE, *Revised Guidelines on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context for Central Asian Countries* (UNECE 2019).
17. International Crisis Group, *Central Asia’s Water Diplomacy: Managing Transboundary Rivers* (ICG 2023).
18. UN Water, *Integrated Water Resources Management (IWRM): Lessons from Central Asia* (UN Water 2020).
19. OSCE, *Promoting Water Data Exchange and Modeling in the Amudarya and Syrdarya Basins* (OSCE 2021).
20. Asian Development Bank, *Modernizing Irrigation Systems and Water Pricing in Uzbekistan* (ADB 2024).
21. Ministry of Water Resources of the Republic of Uzbekistan, *Statistics of Water Resources and River Runoff* (Tashkent 2024).
22. World Bank, *Water Security and Climate Change in Uzbekistan: Updated Report* (World Bank 2024).
23. FAO AQUASTAT, *Central Asia Water Data 2022* (FAO 2022).
24. Asian Development Bank, *Impact of Rogun Hydropower Plant on Downstream Water Users* (ADB 2023).
25. Stephen C McCaffrey, *International Water Law: Cases and Materials* (Oxford University Press 2018).
26. UNECE, *Espoo Convention Guidelines for Central Asia* (UNECE 2019).